

НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ НАЗАД

**23 ИЮНЯ - ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ.
В ЧЕСТЬ НЕГО 22 ИЮНЯ НА ДАЧАХ ЛИТФОНДА ПРОЙДУТ
АХМАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ, КОТОРЫЕ ТРАДИЦИОННО
ОРГАНИЗУЕТ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПОСЕЛКА КОМАРОВО**

История любви Иосифа Бродского и Марины Басмановой как будто бы повторяет миф об «Орфее и Эвридике». Обстоятельства сложились так, что их отношения оказались бессильны перед роком.

Пусть будет так, как будет, не оборачивайся назад, чтобы сохранить себя – разве кому-то когда-то удавалось выполнить этот запрет?

В 1987 г. Иосифу Александровичу Бродскому была присуждена Нобелевская премия по литературе. В речи при ее получении Бродский сказал:

«Уважаемые члены Шведской академии, Ваши Вели-

чества, леди и джентльмены, я родился и вырос на другом берегу Балтики, практически на ее противоположной серой шелестящей странице. Иногда в ясные дни, особенно осенью, стоя на пляже где-нибудь в Келломяки и вытянув палец на северо-запад над листом воды, мой приятель говорил: «Видишь голубую полоску земли? Это Швеция».

Конечно, он шутил: поскольку угол был не тот, поскольку по законам оптики человеческий глаз может охватить в открытом пространстве только двадцать миль...»

НОБЕЛЕВСКОЕ МЕСТО

В Академгородке поселка Комарово стоит ныне дача академика Алферова, физика, лауреата Нобелевской премии. Прежде на месте этой дачи находилась другая, принадлежавшая академику Бергу. Так случилось, что на этой даче провел свою «счастлившую зиму» с 62 на 63 год другой Нобелевский лауреат, тогда еще о своем будущем не подозревавший, - молодой поэт Иосиф Александрович Бродский.

Друг юности Евгений Рейн из комаровской орбиты молодых поэтов - Бродский - Найман - Рейн - Бо-

«...оборот Орфея - ключевой момент мифа. Вспомните, что стих значит «поворот». Вспомните, главное, что запрет богов гласил: «Не оборачивайся». Применительно к Орфею это значит: «В царстве мертвых не веди себя, как поэт». Или же, если на то пошло, как стих. А он ведет себя именно так, потому что иначе он не может, потому что стих - его вторая натура, а может быть, первая. По этой причине он оборачивается и... его сознание и его взгляд идут обратно, нарушая запрет».

И.Бродский «Девяносто лет спустя», 1994 год.

бышев, - закрученной вокруг Анны Ахматовой, вспомнил, что он жил там в академическом поселке на даче профессора-генетика Райсы Львовны Берг. Дача эта подолгу пустовала, потому что Райса Львовна руководила институтом в Новосибирске, и она поселила в доме несколько человек, в том числе и Иосифа. Тогда у Иосифа был роман с Мариной Басмановой - главным адресатом всей его

любовной лирики. У него есть замечательный цикл, который называется «Песни счастливой зимы», - это именно та зима, проведенная на комаровской даче.

Бродскому - 22 года. Он влюблен и счастлив. Может быть, это единственное по-настоящему счастливое время в его жизни. Его подруга, которой посвящены «Песни счастливой зимы», неординарна.

Продолжение на стр. 8

Окончание.

Начало на стр. 6

Она - дочь самобытного художника Павла Басманова, принадлежавшего к кругу К.Малевича.

Вспоминая это время в 1989 году, он писал: «Четверть века назад ты питала пристрастие к люля и к финикам, рисовала тушью в блокноте...».

Марина Басманова, художница, была тогда невестой Бродского. Всегда молчаливая, отстраненная, «державшаяся в профиль», по выражению Дмитрия Бобышева, Марина Басманова ушла к Бродскому от молодого композитора Бориса Тищенко, ученика Шостаковича. Она вместе с Бродским появляется у Ахматовой, которая работает в это время над «Поэмой без героя», вспоминает молодость, роковых «красавиц тринадцатого года», губивших свои и чужие жизни. Лунная красота Марины произвела впечатление на Ахматову, а чтобы поразить ее, нужно было обладать многим... Она рисовала Ахматову в маленьком, с ладонь величиной, блокноте.

МОНТЕККИ И КАПУЛЕТТИ

Все свидетели этих отношений соглашались в том, что со стороны Бродского это была большая страсть. Произошла встреча Поэта со своей Музой, выходящая за рамки биографических данных, но становящаяся фактом культуры.

Бродскому судьба выбрала не просто красивую девушку, но ту, весь характер жизни которой был выразительно русский. Она была верующей, из семьи, в которой соблюдался архаический уклад и сознательно дистанцировались от всего современного, всего советского. Говорили, что в доме у Басмановых нет ни телевизора, ни радио. Бродский жаловался, что родители Марины - потомственные антисемиты, и его туда на порог не пускают. А родителям Бродского не нравилась Марина, они считали ее холодной и чужой. Происходя из двух несогласных миров, подобно героям Шекспира, Бродский и его подруга вступали в отношения с привкусом будущей трагедии.

Проведя «счастливую зиму» 62-63 годов в тихом Комарове, вглядываясь в даль зимнего залива из-под заснеженных сосен, пережив ожог ослепительного счастья с вечно молчаливой, загадочно-печальной возлюбленной, образ которой странно сливался с пейзажем, Бродский был навсегда отравлен очарованием этого плоского берега, где материя словно истает, «где утрат не

Дом, где горели занавески

А. Найман и М. Басманова, 1962 г.

И. Бродский, 22 года

жал: затем что большую предполагает даль / потеря из виду, чем вид потери».

КАКУЮ БИОГРАФИЮ ДЕЛАЮТ НАШЕМУ РЫЖЕМУ!

Благодаря Бродскому, Марина Басманова входит в круг молодых поэтов, окружавших Ахматову. Знакомится с Дмитрием Бобышевым, который так же, как Евгений Рейн и Анатолий Найман, окончил Технологический институт, но оставил свою профессию химика для поэтического поприща. Красивый, голубоглазый, кудрявый, тяготивший в творчестве к христианским мотивам, Бобышев был ближе и понятней Марине Басмановой, чем Бродский, чей страстный дар и трудный характер создавали ему сложности в отношениях с людьми. Поэтическое соперничество перешло в соперничество личное. Началась изматывающая драма, полная по-достоевски накаленных чувств, выяснений отношений, мучительных для участников. Когда позднее здесь, в Комарове, Ахматова сказала Найману знаменитую фра-

зу: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял...», она, вероятно, имела в виду и то роковое стечение обстоятельств, в котором личное сплелось с историей, чтобы обеспечить поэту бессмертие. Ахматова знала эту особенность Провидения - выбирать жертвой лучших.

ИЗМЕНА ЛЮБИМОЙ СТРАШНЕЕ АРЕСТА

В ноябре 1963 года появился фельетон «Литературный трутень», своеобразный донос на молодую поэзию в лице Бродского, обвиненного в тунеядстве. Над поэтом нависла угроза ареста. Ахматова советует ему уехать в Москву, чтобы переждать административную грозу. В Москве его устраивают в больницу им. Кащенко, где он и встречает новый 1964 год. На границе Комарова и Зеленогорска стоит поныне двухэтажная дача, второй этаж которой тогда снимала молодая компания, в которую входил Дмитрий Бобышев. С ним эту новогоднюю ночь встретила Марина Басманова. Во время танца с Бобышевым от свечи Марины вспых-

нула занавеска на окне. Пожар потушили, но впечатление осталось сильное. Это впечатление немедленно передали в Москву, где мучился неизвестностью Бродский. Новость его потрясла. Он пытается дозвониться Марине. Она не отвечает.

Пренебрегая опасностью, Бродский возвращается в Ленинград. Он был арестован, судим и приговорен к ссылке на 5 лет.

Бродский: «Я помню, когда меня арестовывали, сажали, когда я сидел в клетке, я каким-то образом на это внимание не обращал, это все было не важно. <...> о Марине я больше думал, чем о том, где нахожусь и что со мной происходит. <...> это меня до известной степени и спасло».

Рассказывает один из друзей Иосифа Бродского, который уезжал в Стокгольм на вручение Нобелевской премии опальному поэту. Перед отъездом он пришел в дом к Марине Басмановой на канале Грибоедова и нажал кнопку звонка, разрезавшего пронзительную тишину старинной квартиры. За дверь услышал шаги, тихое дыхание и вопрос: «Кто там?». «Я друг Иосифа, еду на вручение Нобелевской премии, может быть, что-нибудь передать ему от Вас?». Примерно 20 минут не было ответа - в этом была вся Марина. Потом проселестели слова: «Ничего не надо» и удаляющиеся шаги.

Никогда не оглядывайся назад.

Драма мучительного треугольника затянулась на много лет, доведя Бродского до попытки самоубийства. Положение поэта было сложным, для властей он представлял проблему, которую разрешили в 1972 году по-андроповски просто: поставили поэта перед выбором между новым арестом или отъездом, и... «во избежание роковой черты, я пересек другую - горизонта».

«Жить здесь - невыносимо. Уехать отсюда - невыносимо!» - с болью воскликнул Бродский незадолго до отъезда. Родина, как и женщина, оказалась неблагодарна и безжалостна, но по-прежнему таинственна и желанна. Перед отъездом Бродский приезжал проститься с Карельским перешейком и Комаровым, где столько было пережито. Захотел взглянуть и на «ту дачу, где горели занавески». Вернулся оттуда подавленным, потом в Репине в Доме творчества кинематографистов у режиссера Ильи Авербаха читал стихотворение «Любовь».

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

За два года до смерти Иосиф Бродский напишет в Швеции эссе об Орфее и Эвридике. Глядя теперь уже с другого берега, берега свободы, на оставленную 22 года назад страну, он ощущает себя Орфеем, вырвавшимся из ада, но... «взгляд его идет назад, нарушая древний запрет». В эмиграции написано им стихотворение «Песчаные холмы, поросшие сосной». Это о Комарове. Он включил его в сборник «Новые стансы к Августе», посвященный Марине Басмановой. Стихотворение звучит как реквием и кончается так:

«Когда умру, пускай меня сюда перенесут. Я никому вреда не причиню, в песке прибрежном лежу. Объятый ласковых, тугих клешней равно бежавшему не отыскать нежней, застираннее и безгрешней лежу».

28 января 1996 г. Иосиф Бродский умер в Нью-Йорке. 17 месяцев спустя он был похоронен на кладбище острова Сан-Микеле в Венеции.

Ирина Снеговая